

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
Has been issued since 1834.
ISSN: 2409-3378
E-ISSN: 2413-7294
Vol. 6, Is. 4, pp. 239-250, 2015

DOI: 10.13187/zhmnp.2015.6.239
www.ejournal18.com

UDC 373.1+377.6

State educational reform in Russia: Pro and contra (P. N. Ignatiev's reform in the mirror of public opinion)

Oksana V. Ishchenko

Surgut state University, Russian Federation
1, Lenina street, Surgut city, Khanty-Mansiysk Autonomous district, Tyumen region, 628410
Dr. (History), Associate Professor
E-mail: iovfu@yandex.ru

Abstract

The article discusses the main directions of the public education's reform taken by Minister of education P. N. Ignatiev in 1915-1916. Analyzed assessment of reforms, reflected in the pages of periodicals, in educational institutions and memories of the P. N. Ignatiev. In the article were used the materials of Siberian archives and periodicals, because they allow to reveal specifics of the public opinion prevailing in regard to educational reform not only in the European part of the Russian Empire, but also on its distant outskirts.

Keywords: education reform, the Ministry of national education, P.N. Ignatiev, evaluation of the transformation, public opinion.

Введение

Реформа народного образования, попытка проведения которой была сделана министром народного просвещения П.Н. Игнатьевым в 1915-1916 гг., стала последней в истории Российской империи. И замысел реформы, и достигнутые результаты получили разные, зачастую диаметрально противоположные, оценки современников. Отношение к реформе П.Н. Игнатьева отразило поляризацию общественного мнения, свидетельствуя о серьезных расхождениях между консервативными установками промонархических кругов и либеральным настроем значительной части общества.

В статье предпринята попытка рассмотреть как основное содержание образовательной реформы 1915-1916 гг., так и оценку проводимых преобразований, нашедшую свое отражение на страницах периодической печати, в материалах учебных заведений и воспоминаниях самого П.Н. Игнатьева.

Материалы и методы

Главным источником, позволяющим определить замыслы, содержание и оценку проводимых реформ, стали опубликованные мемуары самого П.Н. Игнатьева. Значительный интерес для исследователя представляют материалы, исходящие от непосредственных участников событий: протоколы заседаний педагогических советов учебных заведений, резолюции родительских комитетов, статьи в рукописных изданиях учащихся. Оценка реформ П.Н. Игнатьева была дана на страницах дореволюционной

периодической печати.

При написании статьи были использованы материалы сибирских архивов и периодических изданий, поскольку именно они позволяют выявить восприятие образовательной реформы не только в европейской части Российской империи, но и на ее отдаленной окраине.

Методологической основой исследования стало обращение к основным положениям теории модернизации и исторической регионалистики. Реформы П.Н. Игнатьева рассмотрены в контексте российской модернизации, которая стимулировала рост ценности знаний, широкое распространение образования, активизацию социальной деятельности. Применение метода исторической регионалистики, предполагающего изучение российского пространства с учетом выявления особенностей протекания исторических и культурных процессов в отдельном регионе, позволило сделать выводы об отношении общества к проводимым преобразованиям на сибирском материале.

Обсуждение проблемы

Реформа П.Н. Игнатьева как комплекс мероприятий, направленных на модернизацию российского образования, давно привлекает к себе интерес исследователей. Оценка проводимых преобразований нашла свое отражение на страницах дореволюционных изданий [1]. С позиций социально-классового подхода к замыслам и содержанию реформы подходили советские историки [2]. Современные авторы, характеризуя основные положения реформы 1915-1916 гг., определяют их как «последнюю попытку модернизации просвещения в Российской империи» [3], отмечая при этом не только позитивную направленность реформ, но и негативные результаты демократизации школы [4]. В то же время реализация основных положений реформы на сибирской окраине страны лишь в малой степени оказалась в поле внимания исследователей [5].

Результаты

В начале XX в. необходимость проведения серьезных изменений в сфере образования Российской империи стала особенно очевидной. Основные положения реформ Александра II были или искажены, или отвергнуты в период проведения контрреформ. К концу XIX в. Россия по-прежнему заметно отставала в плане развития системы образования от промышленно развитых государств. В конце 1890-х гг. в России один учащийся средней школы приходился на 564 человека, тогда как во Франции – на 300, в Великобритании – на 202, в Германии – на 122, в США – на 83 человека [6]. В 1910–1914 гг. удельный вес детей школьного возраста составлял 22 % от общей численности населения империи, а доля учащихся детей только 4,7 % [7]. Экономический кризис начала XX в. и неудачная для России война с Японией со всей очевидностью показали стоящие перед страной проблемы, свидетельствуя о том, насколько сложившаяся система образования не отвечает насущным потребностям дня. Солдаты, большинство из которых не имело даже начального образования, оказались не в состоянии освоить сложную военную технику. Острая нехватка квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства также была вызвана, в первую очередь, неразвитостью системы их подготовки.

Основные черты существовавшей в России в начале XX в. системы образования сложились, в основном, в период руководства министерством народного просвещения графа Д.А. Толстого. Проведенная в 1870-х гг. реформа среднего образования закрепила за воспитанниками классических гимназий право преимущественного поступления в университеты, причем учебные программы гимназий оказались перегружены древними языками. Д.А. Толстой, видевший «спасение юношества в изучении древних языков и в изгнании естествознания и излишних предметов, как способствующих материализму и нигилизму», был убежден, что усиленное изучение оторванных от реальной жизни дисциплин будет способствовать отвлечению юношества от идей радикального переустройства общества [2, с. 18]. С этой же целью контроль за деятельностью учебных заведений был возложен на попечителей учебных округов. Педагогические советы, провозглашенные как постоянно действующие совещательные органы коллективного руководства средней общеобразовательной и профессиональной школой, на деле играли лишь формальную роль [8]. Направленность учебно-воспитательной деятельности школы

по-прежнему определялась знаменитой формулой «православие – самодержавие – народность».

Отсутствие связи между начальной, средней и высшей ступенями образования, оторванность школы от потребностей общества, регламентация всех сторон жизни учебных заведений вызвали справедливую критику правительственного курса. Общественное мнение настойчиво подталкивало власть к реформам. Так, в принятой в ходе событий первой революции в России «Записке», подписанной 256 учителями и другими деятелями народного образования в марте 1905 г., отмечалось: «Противоречие между нашим обветшалым государственным и общественным строем и требованиями жизни уже давно являются причиной неисчислимых народных бедствий, но в последнее время оно достигло такой степени, что всякое промедление с устранением его грозит гибелью для государства... Наш народ до сих пор коснеет в невежестве. Мы отстали в просвещении не только от европейских, но и от некоторых азиатских государств. Число школ у нас далеко не достигает той цифры, которая обеспечила бы общедоступность обучения; организация и обстановка существующих школ допускает только крайне низкую степень продуктивности их; внешкольное образование у нас находится в зачаточном состоянии». Отсталость в деле народного просвещения являлась, по мнению учителей, следствием «существующего у нас государственного и общественного строя», а к основным требованиям, выдвигаемым деятелями народного образования, относились введение всеобщего и бесплатного обучения, согласование всех типов школ, придание школе светского характера, участие в деле народного образования общественных учреждений [9].

Участники первого Всероссийского съезда по вопросам народного образования (1913-1914 гг.) высказались за введение всеобщего образования, за общеобразовательный характер школы, за наглядность преподавания и за сближение его с жизнью, за упрощение программ и за сообразование их с местными условиями [10]. Требование реформы школы было одним из первых, звучавших во время выступлений студентов и учащихся, оно было включено в программы почти всех политических партий.

Общественно-политическая ситуация в России заметно осложнилась в период первой мировой войны. Неудачи русской армии на фронте и серьезные проблемы в организации тыла к 1915 г. заметно снизили градус ура-патриотических настроений в обществе. В очень сложной ситуации оказались и учебные заведения. Из-за потока беженцев многие из них были переполнены. Значительная часть школьных зданий была переоборудована под госпитали, что еще больше усилило нехватку мест в учебных заведениях. В среде молодежи становится заметным отказ от призывов помочь правительству, характерный для начального периода войны, усиливается оппозиционность.

В этих условиях в отставку был отправлен крайне непопулярный в демократических кругах министр народного просвещения Л.А. Кассо, а в январе 1915 г. на это пост назначается граф П.Н. Игнатъев, с именем которого связана, пожалуй, самая радикальная попытка реформирования российской школы в период до Февральской революции.

Павел Николаевич Игнатъев происходил из известного дворянского рода. Он родился в 1870 г. в Константинополе в семье государственного деятеля Н.П. Игнатьева, учился в Петербургском университете и Сорбонне. К моменту нового назначения Павел Николаевич уже имел определенный опыт управленческой деятельности. После окончания Киевского университета он служил в министерстве внутренних дел, был предводителем дворянства в одном из уездов Киевской губернии, в 1907–1908 гг. занимал пост киевского губернатора. В 1912–1915 гг. он являлся товарищем (заместителем) главноуправляющего землеустройством и земледелием, курируя на этом посту сельскохозяйственные учебные заведения [11].

Практически с момента своего назначения новый министр обозначил основное направление реформирования системы образования. П.Н. Игнатъев считал, что сложившаяся со времен министра народного просвещения Толстого школа являлась «орудием политической борьбы больше, чем горнилом просвещения и воспитания подрастающих поколений страны», поэтому новое руководство министерства «решительно отказалось видеть в школе ту или иную форму политического воздействия на население и полагало, что его задача – возможно шире поставить просвещение страны» [12].

Для подготовки осуществления преобразований в апреле 1915 г. в Петербурге было

созвано Особое совещание по реформе средней школы, в работе которого приняли участие известные ученые, политические деятели и руководители учебных заведений. Созданные на совещании комиссии и подкомиссии под председательством министра народного просвещения разработали общие положения, на которых должна была строиться новая школа. Первым из них стало требование перестройки школы на началах педагогической науки. Предложения Игнатьева основывались на теории педагогики и практике организации школьного образования в индустриально развитых странах мира. Второй главной задачей школы ставилось как можно более полное развитие умственных и физических способностей ученика путем поощрения его активной самостоятельной деятельности. Третьим господствующим принципом стал принцип единой школы, т.е. школы, в которой согласованы все ступени обучения, что давало возможность учащимся без затруднений пройти весь цикл обучения – от начального до высшего. Отсюда вытекала идея демократизации школы: она должна была отвечать интересам большинства населения, быть близкой к жизни, иметь национальные особенности, носить трудовой характер. Вводимый принцип демократичности школы неизбежно вносил и существенные изменения в порядок управления учебными заведениями, предоставляя им значительную самостоятельность [12].

На указанных принципах и базировались основные направления проводимых реформ. Предполагалось, что школа должна стать национальной, самодовлеющей, т.е. давать общее образование и не ставить в качестве главной цели подготовку учащихся к поступлению в высшие учебные заведения. «Эту служебную задачу возлагать на среднюю школу не следует, и в этом, быть может, следует видеть один из главных дефектов гимназий толстовских. Она была лишена всякого жизненного и педагогического самостоятельного значения и являлась исключительно подготовительной для высшей школы. Не могущие попасть в высшую школу оставались "неудачниками", без нормальной подготовки к жизни», – писал П.Н. Игнатьев [12].

Согласно заявленным планам преобразований, государственная школа была признана единой, разделенной на ступени в соответствии с возрастными особенностями учащихся. Основной ступенью являлась низшая начальная школа со сроком обучения 4 года. Средняя школа должна была стать семилетней, состоящей из двух ступеней: первой – с трехлетним и второй – с четырехлетним курсом обучения. Каждая ступень имела самостоятельную программу, что позволяло или прекратить обучение после ее освоения, или переходить к следующей ступени. Выпускники средней школы получали право беспрепятственного поступления в вузы.

Учебный материал был построен на основе интеграции и межпредметных связей учебных дисциплин, принадлежащих к одному циклу. На первой ступени осуществлялось сельскохозяйственное образование учащихся, что предполагало получение на уроках знаний, необходимых для ведения сельского хозяйства, проведение экскурсий и практических занятий на природе, устройство огородов и пашек на пришкольном участке и др.

Ставя основной целью «возможно полное развитие природных дарований ребенка и юноши», новое руководство министерства народного просвещения предпочло «остановиться на мысли о подведении естественных, нормальных, научно зафиксированных различий в дарованиях и наклонностях юношества под некоторые рубрики и рамки» [12]. Поэтому чиновники министерства вместе с работавшими в комиссиях членами Государственной думы пришли к мысли о полифуркации на третьей ступени единой школы. Были выработаны схемы предметов, часов и их сочетание, дающие следующие направления: классическое (с латынью), неоклассическое и неогуманитарное (с развитием новых языков, особенно русского), математическое, естественно-историческое (естественнонаучное). Все эти направления давали возможность ученикам получить законченное среднее образование, а в дальнейшем продолжить обучение в соответствующих вузах [12].

Проводимые в средней школе преобразования предполагали, в первую очередь, изменение учебных планов. Приоритетными становились предметы, непосредственно связанные с формированием личности, обладающей национальным самосознанием (история и география России, литература, русский и родной язык). Другой важнейшей стороной реформы стало то, что она предусматривала построение программ, исходя из проблем микросоциальной среды, связи школы с обществом. С этим же была тесно сопряжена и идея

трудовой деятельности как основы всей учебно-воспитательной работы. В самом содержании общественно-полезный труд и общественно-нравственные дисциплины, служащие укреплению тесной связи школьного образования с общественной жизнью, становились доминантными. Трудовой принцип обучения должен был облегчить решение главной задачи средней школы: готовить не к высшей школе, а к непосредственной практической жизни. В условиях сложной внешнеполитической и экономической ситуации военного времени в материалах реформы была обозначена следующая цель: «И станет наша школа делать то, что теперь нам нужно для освобождения от немецкого засилья, а именно: станет готовить и нам интеллигентных работников, которыми наши враги и теперь уж так богаты и сильны». Ручной труд рассматривался в планах преобразований как условие успеха отечественной экономики и «полного освобождения нашей Родины от зависимости по отношению к иноземной промышленности». «Трудовой принцип во всей толще нашей жизни, чуть ли не с колыбели, – утверждал П.Н. Игнатъев, – единственное наше спасение» [13].

В этой связи важным направлением трудовой деятельности учебных заведений в годы первой мировой войны стала активная помощь фронту и тылу, проводимая, в первую очередь, посредством создания трудовых дружин, включавших в себя воспитанников учебных заведений разных типов. Дружины создавались для оказания содействия крестьянам в деле уборки урожая. Министерство народного просвещения горячо приветствовало это начинание, придавая ему большое значение и считая, что с экономических позиций эта деятельность полезна обществу, а с точки зрения образовательно-воспитательной – самим учащимся [14]. В министерских циркулях указывалось, что привлечение воспитанников школ на полевые работы «имеет серьезное воспитательное значение... Участие в трудовых дружинах должно развить уважение к труду... и дать здоровый выход совершенно естественному порыву молодежи принять реальное участие в той напряженной борьбе, которую ведет все общество для обеспечения нашему доблестному войску исполнения его тяжелого подвига» [15].

Серьезные изменения при П.Н. Игнатъеве произошли и в области управления учебными заведениями. Для «ближайшего контакта с населением» в управлении школами первой и второй ступени предполагалось участие представителей общественности. В школах третьей ступени, «ввиду более сложных педагогических и воспитательных задач, разрешаемых ею, считалось необходимым наличие родительских комитетов» [12]. Школьные родительские комитеты получали более широкие права в контроле над жизнедеятельностью школы, а кворум был изменен с 2/3 от общего количества родителей до простого большинства [5, с. 177]. Школа становилась самостоятельной, исчезала необходимость во всех промежуточных управленческих структурах между нею и министерством. Все теоретические и методические вопросы учителя могли теперь решать сами на совещаниях и съездах.

Министерством был предложен проект нового устава общеобразовательной школы, который предусматривал повышение роли педагогического совета средней школы в управлении учебным заведением, а также отдельного учителя в решении вопросов учебно-воспитательной работы. В условиях реформы школам предлагались лишь примерные учебные планы и программы, на их основе преподаватели под руководством педагогических советов должны были разрабатывать собственные программы, «сообразуясь с общими требованиями и учитывая средний состав местных учеников» [12].

Еще одним крупным направлением модернизации системы образования при П.Н. Игнатъеве стала реорганизация системы профессионально-технического образования, от развития которого в условиях индустриализации зависело будущее страны. Министерство народного просвещения разработало проект реформы профессионального обучения, который предусматривал строгую взаимосвязь общего и профессионально-технического образования [3]. Все профессиональное образование было согласовано со ступенями общеобразовательной школы, и каждая ступень профессиональной школы была обоснована на соответствии ступени общеобразовательной школы, давая тем самым возможность абитуриентам всякой низшей ступени общеобразовательной школы найти свободный доступ в соответствующую профессиональную школу [12]. Для координации деятельности по реформированию профессионального образования в начале 1916 г. в министерстве народного просвещения были созданы межведомственный Совет по делам

профессионального образования и Совет по делам высших учебных заведений.

Однако предпринятые усилия для «оздоровления средней школы», по мнению Игнатьева, не могли быть эффективными без широкой, «педагогически правильной постановки подготовки учебного персонала». В 1915–1916 гг. министерством была разработана «целостная схема этой подготовки, проникнутая единством объединяющей ее мысли». Ключевым звеном этой схемы должен был стать центральный педагогический музей, содержащий «все, что педагогический опыт накопил за истекшие годы». При музее предполагалось открытие педагогической академии, «где педагогические вопросы могли бы быть разрабатываемы лучшими научно подготовленными специалистами». На местах планировалось создать соответствующие музеи, которые стали бы центрами педагогической работы и местом проведения педагогических съездов. Подготовка персонала школ третьей ступени должна была проходить через педагогические институты [12].

И все же не только в совершенствовании организации деятельности учебных заведений видел новый министр главную цель преобразований. «Основа предстоявшей в этом направлении работы лежала не в изменении программ и целей школы – она лежала много глубже. Предстояло серьезно изменить методы школьные, а главное – всю подготовку учителя и, наконец, его положение на месте, – писал П.Н. Игнатьев. – Из скромного, бедно оплачиваемого, полуграмотного народный учитель и подготовкой своей, и своим положением должен был быть возведен на положение самостоятельного фактора сознательной работы над культурным возрождением масс. Он должен был стать центром, чутким в понимании окружающей его жизни и запросов, во всеоружии знания тех путей, по которым эти запросы могут найти разрешение» [12].

За время своего пребывания на посту министра Игнатьев провёл два совещания попечителей учебных округов (в феврале 1915 и марте 1916 года), а также ряд педагогических съездов, на которых обсуждались вопросы будущей реформы. «Необходимо через школу, – говорил Игнатьев на этих совещаниях, – способствовать развитию производительных сил страны: школа должна служить жизни и нуждам населения» [16].

Вполне понятно, что неполных двух лет, в течение которых П.Н. Игнатьев возглавлял министерство народного просвещения, было явно недостаточно для проведения столь масштабного реформирования системы российского образования. Ситуация усугублялась сложными условиями первой мировой войны. Однако и в этих непростых обстоятельствах Игнатьеву удалось осуществить ряд мероприятий, направленных на демократизацию школы.

При П.Н. Игнатеве было заметно изменено отношение министерства народного просвещения к постановке и содержанию воспитательной работы в учебных заведениях. В циркуляре от 28 сентября 1915 г. «О мерах к улучшению школьной жизни» министерство народного просвещения обратилось к педагогическим советам учебных заведений «с горячим призывом приложить все силы к тому, чтобы создать такую внутреннюю атмосферу, при которой нарушение нормального хода школьной жизни и переживания нынешнего исторического момента послужили бы на пользу нравственного воспитания подрастающего поколения». В циркуляре особо подчеркивалось, что «школа должна взять на себя не только обучение, но и, главным образом, воспитание юношества», при этом воспитательное влияние школы «не должно заключаться во внешнем только надзоре и в дисциплинарных взысканиях за проступки, а, напротив, в предупреждении проступков и в мерах морального воздействия, выработка каковых должна занять одно из видных мест в постоянных обсуждениях педагогических советов» [17]. Циркуляром от 19 января 1916 г. педагогическим советам предписывалось «теснее общаться с учениками и родителями». Здесь же отмечалось, что дисциплинарное воздействие школы на учащихся должно носить не карательный, а предупредительный характер [18].

Решения министерства с энтузиазмом были восприняты педагогическим персоналом учебных заведений, о чем свидетельствует, например, решение заседания педагогического совета Омского императора Александра III низшего механико-технического училища, вынесенное при обсуждении министерского циркуляра от 28 сентября 1915 г.: «Педагогический совет, вполне сознавая ответственную роль в постановке учебно-воспитательного дела считает, что в настоящий исторический момент, в годы великих событий, переживаемых родиной, он должен прилагать больше внимания и энергии для

изыскания мероприятий в деле усовершенствования учебного строя и нравственного воспитания учащихся» [19].

Еще одним новаторским мероприятием министерства народного просвещения стала рекомендация устранить из школ «формальную оценку знаний учащихся цифровыми отметками» и «сухое формальное прохождение программы» [20]. Во многих учебных заведениях подобные предложения министерства нашли полное понимание. Например, педагогическим советом Омской III женской гимназии О.Я. Хвориновой на заседании 1 ноября 1915 г. было решено «в целях более близкого общения педагогического персонала с учащимися ... отменить баллы и заменить их подробной характеристикой каждой ученицы об ее успехах и поведении» [21]. Решение педагогического совета было всецело поддержано родительским комитетом гимназии, отмечавшим, что «прежний способ оценки познаний и нравственных качеств учащихся цифровой отметкой, будучи категоричным по форме и безличным по существу, являлся для многих учащихся источником тяжелых переживаний, а более впечатлительных доводил до совершения крайних проступков по отношению к учителям, или, наоборот, толкал их самих на самоубийство» [21, л. 31].

Однако апробация новой системы оценивания знаний учащихся показала, что она имеет серьезные недостатки, в числе которых отсутствие стимулов для обучения и «возникновение недоразумений с родителями». Кроме того, у учениц возникали трудности при переводе в другие учебные заведения, да и само министерство народного просвещения требовало предоставления от учебных заведений сведений об успеваемости учащихся в баллах. Поэтому, несмотря на просьбы родительского комитета о сохранении словесной оценки, педагогический совет Омской III женской гимназии О.Я. Хвориновой в сентябре 1916 г. постановил вернуться к прежней пятибалльной системе оценивания [21, л. 37].

Ряд учебных заведений сразу отказался от введения словесного оценивания учащихся. В частности, педагогическим советом Омского императора Александра III низшего механико-технического училища в феврале 1916 г. было вынесено решение о том, что «отменить цифровую оценку познаний учащихся пока является невозможным вследствие переполненности классов учащимися и перегруженности работой преподавателей», а, кроме того, цифровая оценка более понятна родителям [19].

Циркуляром от 11 февраля 1916 г. в связи с трудностями военного времени в средних и низших общеобразовательных учебных заведениях были отменены переводные и выпускные экзамены. Министерство основывалось на том, что экзамены «не могут быть единственным показателем знаний учащихся», а педагогическим советам предлагалось «выработать иные методы оценки»: периодические опросы, письменные работы в конце разделов курса и др. [18, с. 15; 22]. Это решение с удовлетворением было воспринято общественностью, поскольку переводные экзамены не без оснований считались одним из способов отсева из школы неугодных учеников. Министерство народного просвещения пошло еще на ряд уступок, в частности, подтвердив циркуляром от 7 ноября 1915 г., что «ввиду вздорования жизни в настоящее время не следует применять стеснительных мер к учащимся, кои по материальным обстоятельствам не могут в точности соблюдать установленную форму одежды и обуви» [23]. Распоряжениями министерства народного просвещения от 31 июля и 14 августа 1915 г. разрешено было принимать детей участников войны и беженцев в низшие и средние учебные заведения «без различия национальностей и вероисповеданий, вне конкурса... хотя бы и сверх установленных вакансий или комплекта» при единственном условии – прохождении приемных испытаний [24]. Циркуляром министерства народного просвещения от 27 сентября 1916 г. руководителям средних и низших учебных заведений, председателям родительских комитетов предлагалось обсудить вопрос об организации для учащихся дешевых завтраков. В большинстве школ Западной Сибири это мероприятие было признано необходимым [25].

Несмотря на сложности военного периода, деятельность министерства была направлена и на открытие новых учебных заведений. Так, в 1916 г. актом министерства народного просвещения было образовано Пермское отделение Императорского Петроградского университета, ставшее базой для создания Пермского университета. В обществе же факт создания высшего учебного заведения в Перми сразу был воспринят как появление в стране нового вуза. Об этом свидетельствуют, в частности, отправленные руководством Томского университета осенью 1916 г. поздравительные телеграммы, в

которых приветствовалось открытие нового Пермского университета [26].

В январе 1916 г. министерством народного просвещения был утвержден устав Народного университета, созданного меценатом и предпринимателем П.И. Макушиным в Томске. Идея создания Народного университета, в котором могли бы учиться все те, кто не получил доступ в государственные учебные заведения, была озвучена Макушиным еще в 1905 г., но долгие годы разрешения на его открытие министерство не давало. П.Н. Игнатьевым было дано согласие и на долгожданное открытие в Томском университете двух новых факультетов (что, впрочем, так и не было выполнено в дореволюционный период). За содействие развитию образования П.Н. Игнатьев был удостоен звания почетного гражданина города Томска [27].

Заметной тенденцией в развитии образования в период руководства П.Н. Игнатьева министерством народного просвещения стало и расширение приема в учебные заведения лиц женского пола. Так, в августе 1915 г. в Томском университете было получено разрешение на прием женщин на юридический факультет, а на медицинский факультет разрешалось принимать не только сибирячек христианского исповедания, но и «прочих лиц женского пола» [28]. Косвенное влияние решений министерства народного просвещения прослеживалось и в учебных заведениях, имевших иную подведомственность. Например, в 1915 г. совместное обучение мальчиков и девочек было введено в 1-м Сибирском среднем политехническом училище. Указанное решение было обосновано «опытом других стран, особенно Америки» [29], отразив то, к чему стремился Игнатьев – применение лучших образцов передового педагогического опыта.

В то же время неоднократные обращения руководства Томского технологического института в 1915–1916 гг. по поводу разрешения приема женщин министерством были отклонены. Совет Томского технологического института настаивал на предоставлении права учиться в вузе женщинам на том основании, что «при современном развитии техники целые ряды производств свободно могут обслуживаться женщинами», тогда как ряд вакансий в институте остаются незанятыми. Министерство же обосновывало свой отказ необходимостью предварительного пересмотра Положения о высших технических учебных заведениях, однако до Февральской революции этот вопрос так и не был решен [30].

Либеральные издания на своих страницах уделяли много внимания ходу преобразований системы образования в стране, положительно оценивая проводимые П.Н. Игнатьевым реформы. Однако, несмотря на широкую общественную поддержку, курс реформ министра народного просвещения П.Н. Игнатьева не встретил понимания ни в правящих кругах, ни среди многих попечителей учебных округов.

Реформы натолкнулись на открытое противодействие черносотенных элементов. Ряд местных организаций «Союза русского народа» обрушились с доносами на министра [10]. В ноябре 1915 г. на Всероссийском монархическом съезде, проходившем в Нижнем Новгороде, были заслушаны материалы школьной секции об «антигосударственной работе Игнатьева». Резюме было жестоким: «С одной стороны – космополитизм школы, с другой – уменьшение программ по усмотрению самих учебных заведений, с третьей – заполнение средней школы еврейством, с четвертой – сокращение числа учебных лет, с пятой – беспрепятственный доступ улицы в школу и с шестой – назначение в число учительского персонала лиц политически неблагонадежных, – вот мероприятия графа Игнатьева, которые он изо дня в день проводит в русскую школу, дабы такими своими действиями, идущими от еврейского начала и прогрессивного блока, свести русскую государственность к нулю и убить нашу самобытность» [1].

Впрочем, деятельность нового министра встречала жесткую критику и совсем с другой стороны. Негативное отношение к преобразованиям Игнатьева было характерно и для сторонников революционных преобразований общества. Так, в размещенной в рукописном журнале учащихся иркутских школ «Объединение» (1915 г.) статье звучала критика первого министерского циркуляра П.Н. Игнатьева, в котором отмечалась необходимость увековечения в учебных заведениях и церквях при них памяти бывших учеников, оставшихся на полях военных действий. Учащиеся писали: «Министерство ведет и прямую, и косвенную пропаганду активного участия в войне: оно всячески поощряет добровольчество, организует патриотические манифестации и посылки всевозможных воинственных телеграмм, привлекает учащихся к различным «дням флажков» и иным

формам сборов на нужды войны, устраивает патриотические чтения и лекции, и т.п., и т.п. И новый циркуляр преследует старые цели. Он рассчитан на то, что учащиеся, видя постоянно перед собой портреты и имена погибших на войне, будут проникаться ненавистью к «коварному врагу», затеявшему войну, и стремиться отомстить за погибших, а такое стремление, несомненно, усилит добровольчество и, далее, сознание, что погибшие отдали жизнь «по царскому призыву», вызовет ... восторженную готовность и жить, и умереть «по манию царя». В журнале иркутской молодежи отмечалось: «Надежд на нового министра мы не должны возлагать никаких. Наоборот, мы должны сознательно встречать каждый новый циркуляр, каждое новое распоряжение, относиться к ним с должной критической оценкой, ... тогда мы сможем вовремя оказать противодействие министерству путем агитаций и выступлений» [31].

По мнению же самого П.Н. Игнатъева, планировавшиеся преобразования не были осуществлены в полном объеме, в первую очередь, из-за тяжести военного времени. Война потребовала напряжения всех сил и средств Российской империи, а неудачный ход военных действий вызвал недоверие к начинаниям правительства. Император Николай II, давший в начале 1915 г. новому министру народного просвещения графу П.Н. Игнатъеву согласие на его план проведения реформ общего и профессионального образования, в тот момент не мог ожидать, что будет достигнут столь существенный размах при их осуществлении. Либерализм модернизации в правительстве сочли несвоевременным [3].

В исторической и историко-педагогической литературе (С.И. Беленцов, И.И. Дмитриева, Н.Н. Кузьмин) сложилось мнение о том, что в условиях войны, политического, экономического кризиса и идеологического раскола общества проведение реформы школы не могло быть успешным, более того, демократизация школы привела к негативным результатам – углублению кризиса, росту социальной и политической напряженности, проявлениям деструктивной гражданской активности школьников [4].

Многие преобразования министерства вызывали недовольство даже в учительской среде, поскольку педагоги сами не были готовы к работе в условиях изменившейся образовательной парадигмы. Как было сказано ранее, учителям не удалось быстро перестроиться на новые принципы постановки учебно-воспитательной работы. Не все мероприятия министерства оказались удачными и в отношении высшей школы. Например, утвержденные П.Н. Игнатъевым в августе 1915 г. новые правила прохождения курса в Томском технологическом институте предусматривали введение трехбалльной системы оценивания студентов («весьма удовлетворительно», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно») и ограничение сроков обучения. Указанные нововведения вызвали критику со стороны руководства вуза, т.к. при насыщенности программы сроки оказались невыполнимыми, а «новая система трехбалльной словесной оценки затрудняла выдачу дипломов с указанием в нем классного чина» [32]. Таким образом, и в этом вопросе министерству пришлось отменить часть своих распоряжений.

Сложная ситуация в учебных заведениях, критика действий министерства справа и слева, торможение основных направлений реформ, отсутствие поддержки со стороны носителя верховной власти – все это вместе взятое определило решение П.Н. Игнатъева об уходе в отставку. 27 декабря 1916 г. последовало обращение к императору с просьбой снять с него «непосильное бремя служения против велений совести» [33]. На следующий день он был уволен со своего поста.

Уход Игнатъева с поста министра народного просвещения был сочувственно воспринят демократической общественностью. Сибирские либеральные газеты писали, что общество встретило отставку министра с чувством глубокого сожаления. В адрес П.Н. Игнатъева были посланы телеграммы «с выражением сожаления по поводу его ухода» от Томского областного военно-промышленного комитета, от учащихся Барнаульского реального училища, от отдельных граждан [34].

В ходе гражданской войны П.Н. Игнатъев с семьей эмигрировал в Англию, занимался постановкой учебного дела в русских эмигрантских школах, пытаясь внедрить в них положения неудавшейся реформы, в дальнейшем переехал в Канаду. П.Н. Игнатъев написал мемуары, хранящиеся ныне в фондах Бахметьевского архива (США) (оригинал рукописи на русском языке хранится в личном архиве внука П.Н. Игнатъева) [35].

Мемуары графа Игнатъева представляют большой интерес для всех специалистов,

занимающихся проблемами правительственной политики в сфере образования. Именно опубликованная их часть стала основой для настоящего исследования.

Заключение

После отставки П.Н. Игнатьева деятельность министерства народного просвещения в отношении реформирования системы российского образования была практически свернута, что означало признание неудачи так успешно начатых преобразований. Крушение реформ свидетельствовало, с одной стороны, об отсутствии у власти воли и желания решить насущные проблемы, стоявшие перед страной. С другой стороны, недостаточная подготовленность и планомерность проводимых мероприятий не дала возможности получить широкую общественную поддержку. Реформа была позитивно воспринята в среде учащихся и их родителей, ее поддержали многие учителя школ и преподаватели вузов, положительная оценка преобразований была дана на страницах либеральной печати, но на уровне руководителей учебных округов и отдельных учебных заведений отношение к ней было негативным. Парадокс ситуации заключается в том, что назначение министра-реформатора стало возможным только в период первой мировой войны, которая до предела обострила существовавшие в стране проблемы и заставила власть пойти на уступки обществу, но одновременно именно тяжелая социально-экономическая ситуация военного времени не оставила ни малейшего шанса на успешное воплощение в жизнь реформаторской инициативы.

Основные положения реформы Игнатьева не были реализованы, но многие ее идеи, такие как преимущество ступеней образования, связь школы с жизнью, введение трудового обучения, были использованы при создании советской школы.

Примечания:

1. Граф Игнатьев и развал русской школы. Саратов, 1916.
2. Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX века до Февральской революции 1917 г. М.: «Учпедгиз», 1956. 248 с.
3. Лебедев П.А. Последняя попытка модернизации просвещения в Российской империи // Педагогика. 2006. № 8. С. 79-82. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1194530178&archive=1195596857&start_from=&ucat=& (дата обращения: 27.09.2015).
4. Беленцов С.И. Влияние педагогических факторов на гражданскую активность школьников в России второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Курск, 2007. 24 с.
5. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966. 196 с.
6. История Отечества: Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 61.
7. Рогозин И.И. Социально-экономическое положение учащейся молодежи в России (1910-1914 гг.) // ЛГПИ. XXIII Герценовские чтения. Л., 1970. С. 32.
8. Магсумов Т.А. Педагогические советы средних учебных заведений России на рубеже XIX-XX века // В мире научных открытий. 2010. № 1-3. С. 35.
9. Исторический архив Омской области. Ф. 270. Оп. 1. Д. 244. Л. 129-130.
10. Евдошенко И.В. Реформы в сфере народного образования // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 6 (1). Правоведение. С. 45-59.
11. Игнатьев Павел Николаевич // Педагогический словарь. URL: enc-dic.com (дата обращения: 26.09.2015).
12. Игнатьев П.Н. Очерк о русской школе: [Публ. по машинопис. тексту] / П.Н. Игнатьев; Предисл. и подгот. В.А. Владыкиной // Педагогика. 2000. №№ 2, 3. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1191497013&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 26.09.2015).
13. Захаренко Т.Ю. Реализация личностной направленности учебно-воспитательного процесса в проекте образовательной реформы П.Н. Игнатьева (1915-1916 гг.) // Проектная деятельность в образовательном процессе, новый ресурс личностно-развивающегося образования: материалы науч.-практ. конф. 26 янв. 2006 г.: в 3 ч. Волгоград: Колледж, 2007. Ч. 1. С. 88.
14. Трудовые дружины учащихся и их устройство. Петроград, 1916. 36 с.

15. Сибирская школа. 1917. № 2. С. 62.
16. Балашёв Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг. М.: РАН, 2003. С. 15.
17. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-59. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.
18. Сибирская школа. 1916. № 2. С. 11.
19. Исторический архив Омской области. Ф. 43. Оп. 1. Д. 244. Л. 1-2.
20. Сибирская жизнь. 1916. 18 февр.
21. Исторический архив Омской области. Ф. 62. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.
22. Исторический архив Омской области. Ф. 62. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.
23. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 201. Л. 22.
24. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-59. Оп. 1. Д. 35. Л. 38, 45
25. Исторический архив Омской области. Ф. 172. Оп. 1. Д. 449. Л. 6.
26. Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 204. Л. 307.
27. Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 2004. С. 142.
28. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: Хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003. С. 91.
29. Докладная записка Комиссии по вопросу о введении совместного обучения в 1-м Сибирском среднем политехническом училище цесаревича Алексея в г. Томске. Томск, 1915.
30. Государственный архив Томской области. Ф. 194. Оп. 1. Д. 155. Л. 33-49.
31. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Оп. 1. Д. 338. Л. 24, 27-29.
32. Государственный архив Томской области. Ф. 194. Оп. 1. Д. 185. Л. 53.
33. Падение царского режима // Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. 6. С. 26.
34. Сибирская жизнь. 1917. 5 янв., 14 янв.
35. Бабин В.Г. Мемуары графа П.Н. Игнатьева в Бахметевском архиве // Россия в США: Сборник статей (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. 7). М.: Институт политического и военного анализа. 2001. С. 86-89.

References:

1. Graf Ignat'ev i razval russkoi shkoly. Saratov, 1916.
2. Konstantinov N.A. Ocherki po istorii srednei shkoly. Gimnazii i real'nye uchilishcha s kontsa XIX veka do Fevral'skoi revolyutsii 1917 g. M.: «Uchpedgiz», 1956. 248 s.
3. Lebedev P.A. Poslednyaya popytka modernizatsii prosveshcheniya v Rossiiskoi imperii // Pedagogika. 2006. № 8. S. 79-82. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola /rus_readme.php?subaction=showfull&id=1194530178&archive=1195596857&start_from=&ucat=& (data obrashcheniya: 27.09.2015).
4. Belentsov S.I. Vliyanie pedagogicheskikh faktorov na grazhdanskuyu aktivnost' shkol'nikov v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov: avtoref. dis. ... dokt. ped. nauk. Kursk, 2007. 24 s.
5. Shamakhov F.F. Shkola Zapadnoi Sibiri mezhdru dvumya burzhuazno-demokraticheskimi revolyutsiyami (1907-1917 gg.) Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1966. 196 s.
6. Istoriya Otechestva: Entsiklopedicheskii slovar'. M., 1999. S. 61.
7. Rogozin I.I. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie uchasheysya molodezhi v Rossii (1910-1914 gg.) // LGPI. KhKhIII Gertsenovskie chteniya. L., 1970. S. 32.
8. Magsumov T.A. Pedagogicheskie sovery srednikh uchebnykh zavedenii Rossii na rubezhe XIX-XX veka // V mire nauchnykh otkrytii. 2010. № 1-3. S. 35.
9. Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti. F. 270. Op. 1. D. 244. L. 129-130.
10. Evdoshenko I.V. Reformy v sfere narodnogo obrazovaniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2005. № 6 (1). Pravovedenie. S. 45-59.
11. Ignat'ev Pavel Nikolaevich // Pedagogicheskii slovar'. URL: enc-dic.com (data obrashcheniya: 26.09.2015).
12. Ignat'ev P.N. Ocherk o russkoi shkole: [Publ. po mashinopis. tekstu] / P.N. Ignat'ev; Predisl. i podgot. V.A. Vladykinoi // Pedagogika. 2000. № 2, 3. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1191497013&archive=&start_from=&ucat=& (data obrashcheniya: 26.09.2015).

13. Zakharenko T.Yu. Realizatsiya lichnostnoi napravlenosti uchebno-vospitatel'nogo protsessa v proekte obrazovatel'noi reformy P.N. Ignat'eva (1915-1916 gg.) // Proektnaya deyatel'nost' v obrazovatel'nom protsesse, novyi resurs lichnostno-razvivayushchegosya obrazovaniya: materialy nauch.–prakt. konf, 26 yanv. 2006 g.: v 3 ch. Volgograd: Kolledzh, 2007. Ch. 1. S. 88.
14. Trudovye družiny uchashchikhsya i ikh ustroistvo. Petrograd, 1916. 36 s.
15. Sibirskaya shkola. 1917. № 2. S. 62.
16. Balashev E.M. Shkola v rossiiskom obshchestve 1917-1927 gg. M.: RAN, 2003. S. 15.
17. Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoï oblasti. F. I-59. Op. 1. D. 11. L. 30.
18. Sibirskaya shkola. 1916. № 2. S. 11.
19. Istoricheskii arkhiv Omskoï oblasti. F. 43. Op. 1. D. 244. L. 1-2.
20. Sibirskaya zhizn'. 1916. 18 fevr.
21. Istoricheskii arkhiv Omskoï oblasti. F. 62. Op. 1. D. 4. L. 30.
22. Istoricheskii arkhiv Omskoï oblasti. F. 62. Op. 1. D. 16. L. 40.
23. Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoï oblasti. F. I-57. Op. 1. D. 201. L. 22.
24. Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoï oblasti. F. I-59. Op. 1. D. 35. L. 38, 45
25. Istoricheskii arkhiv Omskoï oblasti. F. 172. Op. 1. D. 449. L. 6.
26. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoï oblasti. F. 102. Op. 1. D. 204. L. 307.
27. Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dnei. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2004. S. 142.
28. Dmitrienko N.M. Den' za dnem, god za godom: Khronika zhizni Tomska v XVII–XX stoletiyakh. Tomsk, 2003. S. 91.
29. Dokladnaya zapiska Komissii po voprosu o vvedenii sovместnogo obucheniya v 1-m Sibirskom srednem politekhnicheskom uchilishche tsesarevicha Alekseya v g. Tomске. Tomsk, 1915.
30. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoï oblasti. F. 194. Op. 1. D. 155. L. 33-49.
31. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Irkutskoï oblasti. F. 300. Op. 1. D. 338. L. 24, 27-29.
32. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoï oblasti. F. 194. Op. 1. D. 185. L. 53.
33. Padenie tsarskogo rezhima // Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. L.: Gos. izd-vo, 1927. T. 6. S. 26.
34. Sibirskaya zhizn'. 1917. 5 yanv., 14 yanv.
35. Babin V.G. Memuary grafa P.N. Ignat'eva v Bakhmetevskom arkhive // Rossika v SShA: Sbornik statei (Materialy k istorii russkoï politicheskoi emigratsii; vyp. 7). M.: Institut politicheskogo i voennogo analiza. 2001. S. 86-89.

УДК 373.1+377.6

Государственное реформирование системы образования в России: pro et contra (реформа П.Н. Игнатъева в зеркале общественного мнения)

Оксана Владимировна Ищенко

Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, Российская Федерация
628410, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ –
Югра, г. Сургут, ул. Ленина, 1
доктор исторических наук, доцент
E-mail: iovfu@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления реформы народного образования, предпринятой в 1915–1916 гг. министром народного просвещения П.Н. Игнатъевым. Анализируется оценка проводимых преобразований, нашедшая свое отражение на страницах периодической печати, в материалах учебных заведений и воспоминаниях самого П.Н. Игнатъева. При написании статьи были использованы материалы сибирских архивов и периодических изданий, поскольку они позволяют выявить специфику общественного мнения, сложившегося в отношении образовательной реформы не только в европейской части Российской империи, но и на ее отдаленной окраине.

Ключевые слова: реформа образования, министерство народного просвещения, П.Н. Игнатъев, оценка преобразований, общественное мнение.